

Фонарь возле учебного корпуса, давно просивший ремонта, наконец-то оживили. Но Цзян Ли так и не выпустил его ладонь.

На самом деле Янь Цзиньчэн вполне мог сказать, что при таком освещении без труда спустится сам. Однако в этом полумраке, укутанном вечерним шумом, близость казалась уютным коконом, отгораживающим их от всего мира. Было приятно чувствовать свою руку в его пальцах — идти вслепую и ни о чём не беспокоиться.

Цзян Ли шагал неспешно, до того медленно, что остальные давно ушли вперёд. Его походка напоминала скорее сонный променад, да и голос звучал под стать:

— Скоро совсем стемнеет. Скажи, когда перестанешь видеть.

Янь Цзиньчэн чуть сжал пальцы и тихо отозвался:

— Угу.

— Ты на виллу ночевать? — спросил Цзиньчэн. Тьма понемногу сгущалась, зрение подводило, и от этого он стал разговорчивее. — Дорога не слишком много времени отнимает?

— Пустяки, — Цзян Ли приобнял его за талию, уводя от низко повисшей ветки. — В машине посплю.

— Не думал, что ты действуешь так быстро.

— Я же говорил: боялся, что ты всё забудешь или включишь заднюю, — Цзян Ли опять вспомнил их разговор на кухне. Ошарашенный вид Цзиньчэна до сих пор стоял перед глазами. Лишь сообразив всё как следует, Цзян Ли окончательно убедился, что тот попросту не принял его слова всерьёз, приняв их за глупую шутку.

Янь Цзиньчэн тихо усмехнулся:

— Давно хотел спросить... Да всё не знал, как подступиться.

Цзян Ли повернул голову, с любопытством глядя на него:

— О чём?

Он увидел, как улыбка Цзиньчэна сменилась лукавой ухмылкой, а расфокусированные глаза, несмотря на мрак, блеснули под лунным светом:

— У тебя что, совсем нет нормальных друзей? Твой барский характер никто вытерпеть не может, или...

— Эй!.. — Не успел Цзиньчэн договорить, как в бок ему слегка ужалило: Цзян Ли ощутимо прищипнул его за талию. Цзиньчэн округлил глаза и резко обернулся: — Ты чего?!

— Врубил превентивные меры против твоего ядовитого языка. — Цзян Ли тут же слегка погладил задетое место, всё-таки опасаясь, как бы Цзиньчэн всерьёз не обиделся.

Янь Цзиньчэн уже собрался было высказать всё, что думает, но картинка перед глазами расплылась окончательно. Нахмурившись, он поневоле прижался плечом к Цзян Ли и неохотно признался:

— Всё, я ничего не вижу.

Рука Цзян Ли, всё ещё покоившаяся на его талии, сжалась чуть крепче:

— Понял.

Талия у Цзиньчэна вообще-то была местом чувствительным, но после нескольких прикосновений подряд реакция притупилась. Лёгкое колющее чувство в щеках улетучилось, и он вернулся к прежней теме:

— Ты так и не ответил.

— Есть у меня друзья, — быстро отозвался Цзян Ли. — Разные. Есть те, с кем приходилось общаться из-за связей родителей, есть и нормальные, искренние. Только вот с тех пор, как я приехал в Суши, я ни с кем из них не связывался. Сам не пойму, на кого злюсь, просто не хочу иметь ничего общего с людьми из Байши. Тошно от одного воспоминания.

— Я же знаю, что ты не бука какая-нибудь, — слух Цзиньчэна без зрения обострился, и он уловил в голосе спутника досаду. — С одноклассниками вы вроде отлично ладите.

Цзян Ли нахмурился, не понимая, пытается ли Цзиньчэн его утешить или выстраивает дистанцию:

— К чему ты это? Они — это они. При чём тут мы?

— Чего ты закипятился? Я просто так, к слову, — улыбнулся Цзиньчэн.

— Не надо говорить вещей, от которых кажется, будто ты меня выставляешь за дверь, — недовольно брякнул Цзян Ли. — У меня мозги за тобой не успевают.

— Разве у тех, кто получает максимальный балл по математике, соображалка не должна работать быстрее?

— Откуда ты знаешь про мои оценки?

— Юань Лэй растрепал, — вспомнил Цзиньчэн. — Пытался твоими баллами меня поддевать.

— И как, сработало? — Цзян Ли осторожно взглянул на него. — Взъелся на меня ещё сильнее?

— Ну не до такой же степени, я не настолько мелочный. — Голос Цзиньчэна звучал спокойно и расслабленно, без тени той беспомощности, которая обычно бывает у людей, оказавшихся в полной темноте. Вспоминая прошлые дни, он сам поражался: ещё недавно ломал голову, как отвязаться от назойливого Цзян Ли, а теперь мирно прижимается к его плечу и беззаботно позволяет вести себя сквозь непроглядный мрак.

— На самом деле я тоже всё вижу, — помолчав, вдруг произнёс Цзян Ли.

Цзиньчэн вскинул бровь:

— И что же ты видишь?

— Что ты только снаружи колючий, а внутри — мягкий и тёплый.

Цзиньчэн чуть прищурился и тягуче напел:

— Ну-ну...

— Вижу, что ты человек со строгими принципами.

Цзиньчэн кивнул с тем же ироничным «угу».

— Твоя дистанция — лишь видимость. Кажется, будто тебе всё равно, но стоит нагло подобраться поближе, и ты сам огородишь человека заборчиком, чтобы защитить. — На этих словах Цзян Ли сам удивился, с чего это их разговор вдруг съехал в такую глубину. Разум твердил, что это дико сентиментально и от подобной пафосности сводит зубы, но сердце требовало открыться Цзиньчэну ещё сильнее.

Он ждал, что они и дальше продолжат в том же духе — шаг за шагом приближаясь к высоким материям и философии душ. Но в следующее мгновение Цзиньчэн коротко фыркнул:

— Я тебе что, свиноферма — заборчики городить?

Сначала Цзян Ли даже опешил от такой вопиющей несерьёзности. Но уже через секунду ощутил, как с души спала тяжесть.

Слишком глубокие разговоры давят. От этой тяжести теряется лёгкость и непринуждённость. И сейчас им не нужны были эти чинные, глубокомысленные кивки. Цзян Ли куда больше хотелось, чтобы Цзиньчэн оставался рядом с ним живым, слегка ехидным и по-детски

непосредственным. Так что этот колкий ответ принёс ему облегчение.

— На свинофермах заборы и не нужны, их для овец ставят, — Цзян Ли привычным движением переместил руку ему на плечо.

Цзиньчэн приподнял уголок губ:

— Кого-кого разводят?

— Овец.

— Фу, как тошнотворно звучит. Посреди ночи — и такие страсти. С тебя компенсация за моральный ущерб.

Цзян Ли сначала застыл, а потом до него дошло:

— Ты что, специально?

Цзиньчэн сдерживался изо всех сил, но под конец не выдержал и тихо рассмеялся — так, что плечи затряслись.

Ночь окутывала улицы нежным туманом. Фонари горели скупой, и Цзян Ли не отрывал взгляда от лица спутника: свет то выхватывал его черты из тьмы, то снова погружал в тень.

Ему вдруг показалось, что дорога до дома Цзиньчэна слишком коротка. Почему они прошли уже половину?

За поворотом, сразу за мощёной дорожкой, через дорогу начинался жилой комплекс, где жили дедушка с бабушкой. Обычно Юань Лэй прощался с ним прямо у ворот, но Цзян Ли упёрся: пойдёт до самого подъезда и не уйдёт, пока Цзиньчэн не поднимется.

— Я по этой дороге столько лет ходил, что ноги сами помнят, — пробормотал Цзиньчэн, пока его вели за руку. — Даже в абсолютной темноте доберусь. — Освещение от ворот до дома дедушка специально переделал, попросив рабочих поставить более яркие лампы, так что совсем безглазым Цзиньчэн себя не чувствовал. Он попытался высвободить ладонь: — Иди домой. Я ещё у ворот твою машину заметил, водитель уже давно ждёт.

— Парой шагов больше, парой меньше — какая разница, — Цзян Ли взглянул в его глаза, ставшие снова ясными, и выпустил его руку. Дальше они пошли плечом к плечу. Выждав немного, Цзян Ли вдруг тихо окликнул: — Чэн-эр.

Цзиньчэн поморщился:

— Выкладывай давай, не тяни.

— Можно кое-что скажу?

— Ночь на дворе, говори что хочешь, — лениво отозвался Цзиньчэн.

— Не знаю почему... Но у меня только что в носу защедало.

Цзиньчэн на мгновение замер. Он хотел спросить, что случилось, но Цзян Ли заговорил снова — быстро-быстро, будто опасаясь, что его перебьют:

— Про твои глаза... Если подумать, ты ведь с самого детства так живёшь. Столько всего перенёс, столько ночей провёл в абсолютной тьме... Я просто представил это, и мне стало...

У Цзиньчэна будто перехватило дыхание. Голос застрял в горле, сердце пропустило удар.

—...ужасно тебя жалко, — тихо, с невольной запинкой закончил Цзян Ли.

Они сами не заметили, как оказались у подъезда. Резкий свет лестничного плафона ударил по глазам, отчего у Цзиньчэна кругом пошла голова. Он зажмурился и нахмурился.

— Я, наверное, слишком принимаю всё близко к сердцу? — Цзян Ли едва заметно улыбнулся.

Цзиньчэн повернул голову, всматриваясь в его лицо:

— Да.

— Но я не считаю, что это плохо.

Цзиньчэн всё так же смотрел на него. Спустя несколько секунд оцепенения он тяжёло вздохнул:

— Да.

— Поднимайся, — Цзян Ли кивнул на дверь и небрежно взмахнул рукой. — До завтра.

Цзиньчэн отвёл взгляд и тихо выдохнул:

— Давай.

Даже это короткое слово далось ему с трудом. В горле встал комок, а кадык с трудом сглотнул подступившую сухость.

Попрощавшись, он взлетел по ступеням так быстро, будто спасался бегством.

Эта липкая тяжесть не отпустила его и в постели. Силы иссякли настолько, что не осталось желания даже включить привычные видео про путешествия и экстремальные походы.

Он бесконечно перелистывал экраны смартфона, открывал приложения и тут же сворачивал их. В груди kloкотало глухое беспокойство, земля уходила из-под ног, а в душе царила звенящая, раздражающая пустота.

Длинные изящные пальцы механически, словно по волшебству, перебирали корпус телефона.

Наконец, тяжело вздохнув, Янь Цзиньчэн будто принял какое-то нелёгкое решение. Тень, лежавшая между бровями, рассеялась.

Одно социальное приложение, которым он воспользовался лишь однажды и с тех пор ни разу не открывал — глупая попытка разузнать нечто новое, обернувшаяся полнейшим отвращением, — в эту глухую ночь снова протянуло к нему свои щупальца.

Сохраняя ледяное выражение лица, он смахнул значок и зашёл в личные сообщения. Там тянулась всё та же бесконечная вереница грязных, похабных ругательств и сальностей.

Чужие способы выражать «симпатию» опять вызвали у Цзиньчэна подкатывающую к горлу тошноту. Сколько времени прошло, а он так и не научился воспринимать подобные ухаживания. Казалось, будто прямо через экран его касаются чьи-то липкие, нечистые руки, и по коже бежали мерзкие мурашки.

Превозмогая подступающее отвращение, он хмуро пролистывал диалоги. Сам не знал, что ищет и зачем вообще сюда полез.

Нарастающее раздражение заставляло пальцы двигаться всё быстрее и быстрее.

Ровно в одиннадцать вечера прозвенел будильник, напоминающий, что пора спать. Цзиньчэн привычным жестом смахнул уведомление. Палец случайно задел экран, картинка на мгновение размылась, и лента сообщений открутилась на неделю назад.

Цзиньчэн опустил взгляд.

В следующую секунду его зрачки сжались, а лицо мертвенно побледнело.

Одна-единственная строчка заставила его дыхание сорваться.

****[Янь Цзиньчэн?]****

Дрожащими пальцами он ткнул в диалог.

Но сильнее всего его выбило из колеи другое: кроме этой короткой фразы, в чате больше не было ни единого слова.

... Кто это, чёрт возьми?

<http://bllate.org/book/20112/1993406>